

Рассказ о любящей девушке

Мы собирались кататься в выходные на лыжах. Мороз стоял ядреный, воздух звенел, и пар изо рта оседал инеем на воротнике. Мой друг, деловито пристегивал спортивные лыжи — узкие, легкие, созданные для скорости и накатанной трассы.

— Ты чего «охотничьи» взял? — усмехнулся он, кивая на мои широкие, короткие лыжи. — По накатанному поедем, не по сугробам?

— А вдруг там рыхляк? — я пожал плечами. — Что, если не наезжено.

— Да по накатанной дороге пойдём, там снег плотный, — отмахнулся мой друг.

Он не понимал. Я и сам не понимал. Просто какое-то липкое, неприятное чувство внутри заставило меня снять с гвоздя именно эти, неуклюжие, деревянные широкие лыжи.

Мы въехали в лес на грунтовую дорогу, утрамбованную рыбаками и их автомобилями. Сосны расступились, пропуская нас в белую тишину. Солнце к этому моменту поднялось высоко, но свет его был холодным и обманчивым. Мой друг легко скользил впереди, его палки мелькали ритмично, оставляя точки на утрамбованном снегу дороги. Я пыхтел следом, но идти было легко — широкие лыжи только слегка придавали дискомфорт.

Внезапно мой друг остановился. Так резко, что я чуть не врезался в него.

— Смотри! — выдохнул он, показывая рукой в сторону просеки.

Сначала я подумал, что это большая коряга или поваленное дерево, припорошенное снегом. Но дерево зашевелилось. Из сугроба поднялась массивная туша. Медведь. Он был огромен, худ и страшен. Шерсть висела клоками, бока ввалились, а в глазах не было ни злобы, ни страха — только голодная, пустая тоска. Шатун.

— Тихо... — прошептал я, беря моего друга за рукав. — Пятимся... не делай резких движений...

Но было поздно. Медведь уже засек нас. Он не заревел, не встал на дыбы для острастки. Он просто рванул к нам, проламывая молодой ельник, словно бульдозер.

— Бежим! — заорал мой друг, разворачивая лыжи.

Узкие спортивные лыжи взрезали снег, но он был слишком глубокий на обочине. Мой друг дернулся, пытаясь набрать скорость, но не укатанный снег тормозил, и в этот момент медведь настиг его. Страшный удар лапой пришелся в бок. Я услышал смачный, мокрый звук. Моего друга подбросило в воздух, он перевернулся и рухнул лицом в снег. Из рта выплеснулась алая струйка крови на белый лед. Он дернулся и затих.

Медведь кинулся ко мне.

Времени на ужас не было. Мой организм включил режим зверя. Я рванул с места, даже не думая о направлении. Я просто ломился прочь, туда, где лес был гуще через сугробы. И тут я услышал свое спасение в каждом шаге: *пи-пи, пи-пи*. Охотничьи лыжи работали как снегоступы,

не давая мне провалиться глубоко. Я бежал по целине, уходя все дальше в чащу, а медведь сзади с каждым десятком метров увязал все глубже. Он остановился, тяжело дыша, глядя мне вслед, затем развернулся и, не глядя на тело моего друга, повернул обратно в лес в совершенно другом направлении. Ему нужна была легкая добыча, а не бег на длинные дистанции.

Сердце колотилось где-то в горле. Я выскочил на какую-то знакомую лыжню, ведущую к деревне, и тут из кустов прямо передо мной поднялся еще один медведь. Он был меньше первого, но так же страшен. Я резко сменил траекторию, хватая от усталости и перегрева ртом ледяной воздух.

Я понял, что больше не могу бежать. Ноги дрожали, мышцы горели. Я увидел высокую разлапистую ель. Мысль была одна: залезть наверх, переждать. Но тут же пришла другая, леденящая: «медведи тоже лазят по деревьям».

Второй медведь даже не тронулся с места. Он лишь зарычал, низко, угрожающе, как бы предупреждая: это моя земля, убирайся. А потом из-за его спины на лыжню выскочил волк. Серый, поджарый, с горящими глазами. Он не рычал. И именно он молча бросился ко мне.

Времени думать не осталось. Я отстегнул лыжи, прыгнул, вцепился руками в шершавый ствол ели и, обдирая лицо о смолистую кору, полез вверх. Я залез достаточно высоко, настолько, насколько позволяли силы, и прижался к стволу, боясь дышать. Внизу, задрвав голову, стоял волк. Он обошел дерево, сел прямо подо мной и замер в ожидании.

Так прошло, наверное, с полчаса, хотя мне показалось — вечность. Я уже начал коченеть, пальцы перестали слушаться. И вдруг волк встал, повел носом, приняв к чему-то, чего я не чувствовал, и крупной рысью умчался вглубь леса.

Я сполз вниз, трясущимися руками пристегнул лыжи и побрел прочь. Я шел, спотыкаясь, иногда падая, но двигался вперед. На выезде из леса я увидел вдалеке лыжню и на ней — девчонку. Лет двенадцати, в яркой шапке, с рюкзачком, она беззаботно отталкивалась палками.

— Стой! — заорал я не своим голосом издалека. — Назад! В деревню беги! Скорую вызывай, полицию! Там медведи! Волки!

Она остановилась, сдвинув лыжные очки на лоб, и посмотрела на меня как на сумасшедшего. Глаза у нее стали круглыми от испуга. А потом она обиженно надула губы, развернулась и быстро-быстро засеменяла лыжами обратно, откуда пришла. Конечно, она подумала, что я псих. Или маньяк, который ее пугает.

Через некоторое время я выбрался к околице деревни. У деревенского магазина стоял милицейский УАЗик. Меня уже ждали. Участковый, грузный мужик с усталым лицом, смотрел на меня исподлобья. Видимо, та девчонка уже доложила про подозрительного типа в лесу.

— Ну, рассказывай, — сказал он, затягиваясь папиросой.

Я, захлебываясь словами, выпалил все. Периодически сплёвывая слюну. Про моего друга, про медведя, про волка.

Участковый переглянулся с водителем. В его глазах я прочел: «Ну все, допрыгался парень, друга убил и косит под зверя».

И почему, когда говоришь правду – тебе не верят?!

Они уехали на поиски того места. Вернулись немного позже. Моего друга нашли раненым и замершим. Следы когтей на снегу, медвежьи следы — все совпадало. Одного шатуна потом, говорят, застрелили охотники. Но осадок остался.

Надо мной подшучивали до самой весны. В школе только и разговоров было, что про «медвежатника».

— Эй, Леха, а слабо палкой друга ткнуть? — ржали пацаны в курилке.

— Ты ему скажи, что шатун, шатун, а сам, поди, охотничьи лыжи специально взял, чтобы не утонуть, когда тело прятал, — подкалывали девчонки.

Им было весело. А во мне это застревало занозой. Я видел перед глазами кровь человека на снегу. Слышал, как хрустнули его кости под лапой зверя. Но никто не хотел слушать. Всем было смешно.

Я перестал спать по ночам. Разум словно заволокло пеленой. Я жил как в аквариуме — сквозь толстое, мутное стекло. Мир двигался, люди говорили, а я просто присутствовал, не участвуя.

Пришла весна.

Это был обычный весенний день, солнечный и уже теплый. Кажется, математика. Кабинет №17, третий этаж. Звонок. Я вышел в коридор, лавируя между учениками, и свернул на лестничную клетку. Лестница здесь была конструкции: два марша, расходящихся вдоль стен, которые потом соединялись в один пролет, и так через этаж.

Я повернул направо и начал спускаться с первой ступеньки. Навстречу мне, поднимаясь вверх, шла маленькая светловолосая девочка. Она была из младших классов, я ее видел раньше. Но она была мне незнакома. Мой взгляд приклеился не к ее лицу, а к губам. Они были ярко-алые. Намазаны толстым слоем помады, что выглядело дико и неестественно на детском, нежном лице.

Она что-то сказала, проходя мимо. Ее голос прозвучал тихо, я не разобрал слов, погруженный в свои тяжелые мысли. Она поднялась на две ступеньки выше и оказалась за моей спиной.

— Что? Что? — обернулся я в её сторону, но было поздно.

Я почувствовал толчок в спину. Она запрыгнула на меня, руками обхватив за шею, а ногами спину и живот. Инстинктивно, я подхватил ее под коленки. Тельце было легким, почти невесомым. И я побежал вниз. Просто побежал, сжимая ее руки на своей груди подбородком. Навстречу попадались старшеклассники, учителя. Они провожали нас удивленными взглядами. Конечно, это было не принято в нашей школе: здоровый лоб тащит на горбу ученицу-младшеклассницу.

Я остановился только в вестибюле первого этажа, поставил девочку на пол. Она вела себя странно. Она улыбнулась мне, но улыбка была какая-то непонятная на её разукрашенных губах, быстрая. Она тут же растворилась в толпе спешащих домой школьников.

В гардеробе было столпотворение. Я искал свою куртку, но она постоянно оказывалась не на том месте. Кто-то постоянно перевешивал ее, прятал, или я сходил с ума и не мог запомнить куда её вешал. Рассеянность, преследовавшая меня всю зиму и весну, стала просто катастрофической. Я догадывался, кто это делает.

Денис Шекуров, в очках, стоял на пороге школы в кругу своих.

Я вышел на крыльцо. Солнце слепило глаза. Они засмеялись, увидев меня. Кто-то выкрикнул очередную глупую шутку про медведя.

Я подошел. Словесная перепалка вспыхнула мгновенно. Во мне клокотала злоба, которую я копил месяцами. Я размахнулся и ударил Дениса справа. Вложил в удар всю силу, всю боль, всю ненависть. Но кулак словно не долетал до головы. Мой удар просто... не достиг цели. Словно между нами стояла невидимая стена. А может мне только казалось, что я бил рукой по человеку, может это только мне казалось?

Я остыл так же внезапно, как закипел. Мне стало все равно. Мне нужно было уйти. Скорее. Моя машина стояла на закрытой парковке Ростелекома за дорогой. Я спустился с крыльца, прошел площадь школы и начал сходить по трем ступенькам к липовой аллее.

И тут меня догнали.

— Леша, стой!

Я обернулся. Светловолосая девушка, моя ровесница. Лицо знакомое, одноклассница, но имя вылетело из головы. Все имена вылетели. Я чувствовал только одно: нужно бежать. Скорее сесть в машину, запереться изнутри и уехать отдохнуть от напряженного дня домой, от этой школы, от этого весеннего солнца, которое жжет глаза. Лечь в кровать и немного поспать.

Я побежал. Через дорогу, напрямик, по натоптанной тропинке, игнорируя пешеходный переход. Но Она побежала за мной. Я слышал за спиной ее частое дыхание.

«Хочет — догонит», — пронеслась у меня в голове странная мысль. И откуда она у меня возникла? Но я не сбавлял шага.

Мы уже на той стороне. Вот парковка. Я достал ключи, и завел автомобиль дистанционно. И тут она догнала. Я остановился, почувствовал, как руки ложатся мне на талию. Она обняла меня сзади, прижавшись щекой к моей куртке. И сжала сильно, совсем не по девичьи.

Я сел в машину. Она села рядом. Мы выехали с парковки, оставляя за спиной старые липы, школьное крыльцо и галдящую толпу одноклассников.

Прощай, школа. Прощай, выпускной класс.

Я даже не помнил, как зовут мою девушку из другого класса, сидящую рядом. Но это было уже неважно. Важно было только одно — двигаться вперед, прочь от того снега, который так и не отпустил меня. Спасибо, что моя девушка не беспокоила меня это время. Но любовь не остановить.

<https://megaskaz.ru/>